



Разумеется, перечисленное не отражает всего многообразия свойств современного молодежного социума. Молодежи свойственны различные интересы, пристрастия, формы самовыражения. Предпринятая характеристика позволяет выявить лишь общую тенденцию отношения молодежи к модернизации современного общества. Абстрагируясь от целого ряда частных факторов, можно заметить, что в России сложился определенный слой, не только принявший новые ценности модернизационного времени, но и сформировавший свое понимание ценностей традиционного общества. Освободившись от прямолинейности суждений прошлых поколений, современная молодежь проявила виртуозность в поиске средств для достижения цели. Ясно, что не все они хороши, но их использование обусловлено не самой молодежью, а стратегией выживания, навязанной обществу. Молодежь не находится в состоянии конфликта с новой государственностью, принимает складывающиеся правила игры, и лишь отсутствие должного внимания к ней сковывает ее возможности в модернизационном процессе.

В современных условиях, когда преодолены определенные противоречия и выбран национально-государственный вектор модернизации с ориентацией на собственные, а не заимствованные ценности, появилась возможность более активно привлечь молодежь к выполнению важнейших задач обновления России в качестве основного политического ресурса в модернизационных процессах.

УДК 316.334.3+366.636

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА

В. А. Зимин

Саратовский государственный университет
E-mail: natali.26.12@mail.ru

В статье рассматриваются основные трактовки и критерии социального прогресса в контексте оценок базовых парадигм и перспектив общественно-политического и социально-экономического развития, выявляется роль политической культуры в выборе и реализации соответствующих моделей модернизации в современной России.

Ключевые слова: политическая культура, модернизация, гражданское общество, социальный прогресс, факторы модернизации, факторы социального прогресса.

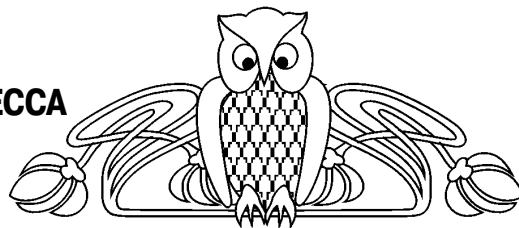
Political Culture as a Factor of Modernization and Social Progress

V. A. Zimin

Main criteria and approaches to the social progress in context of basic paradigms and perspectives of the social-political and social-economic development are considered in this paper. The political culture's role in choosing and implementing different models of modernization in contemporary Russia is pinpointed.

Примечания:

- 1 См. подробнее: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf> (дата обращения: 12.01.2012).
- 2 Цит. по: *Наумова Н. Ф.* Рецидивирующая модернизация в России : беда, вина или ресурс человечества? М., 1999. С. 10.
- 3 См.: *Луков В. А.* Проблемы обобщающих оценок положения молодежи // Социос. 1998. № 8. С. 7.
- 4 См.: *Молодежь России. Тенденции. Перспективы.* М., 1993. С. 38.
- 5 См.: Как рождалась идея национальных проектов? URL: <http://www.rost.ru> (дата обращения: 09.11.2005 г.).
- 6 См.: *Ставим на лидеров : встреча Д. А. Медведева с лидерами политических объединений.* М., 2008. С. 22.
- 7 См.: *Молодежь новой России : образ жизни и ценностные приоритеты. Аналитический доклад.* М., 2007. С. 19, 29.
- 8 Дискуссии проходили в марте–сентябре 2011 г. в рамках реализации программы «Дискуссионное пространство молодежи Саратовской области». В качестве партнеров выступили министерство образования Саратовской области и фонд Фридриха Науманна (ФРГ). Всего в дискуссиях приняли участие свыше 200 молодых людей из 10 муниципальных образований Саратовской области.



Key words: political culture, modernization, civil society, social progress, factors of modernization, factors of social progress.

Весь XIX в. европейскую, североамериканскую, российскую политическую мысль, а также политическую мысль колонизованных обществ волновал вопрос, как обеспечить прогресс практической политики, сопоставимый с прогрессом рыночной экономики и либерального права. Одной из важнейших методологических проблем в этом процессе осмысления стал тот факт, что отсутствовало и поныне отсутствует единство в понимании сути социального прогресса и общепризнанных критериев для его оценки. Дискуссии на эту тему продолжают до сих пор и, по сути, составляют стержень проблематики обсуждения различных моделей модернизации и транзита.

По мнению Алекса Бэттлера¹, единогласия относительно понимания прогресса нет вследствие



как «различных методологических инструментов в познании данного явления, так и в еще большей степени политико-идеологических пристрастий, определяемых исторической обстановкой и местом самого ученого в политической структуре того или иного государства. Совершенно очевидно, что одно и то же явление может быть названо прогрессом или регрессом в зависимости от того, к какому социально-политическому лагерю примыкает тот или иной ученый. Например, оценки любой революции в мировой истории до сих пор носят прямо противоположный характер. Это происходит потому, что не выработан единый критерий в оценках любого явления, любого события в мировой истории»². Неслучайно выдающийся российский философ и политолог А. С. Панарин утверждал, что идеология модерна породила два способа расправы над прошлым как качественно иным: это его дискредитация и модернизация – проекция на него современных стандартов и представлений³. Нет единства данных стандартов – не будет единства и в отношении исторических событий конкретных стран, и в оценках их с точки зрения социального прогресса.

Представители либерального направления исследований общества рассматривали и продолжают рассматривать гражданское общество и правовое государство в качестве инструментов обеспечения структурных и качественных изменений в сторону приближения политики к свойствам и потребностям человека (гуманитарного прогресса), сопоставимых по значению с такими инструментами прогресса экономики, как частная собственность и транснациональные корпорации, с такими инструментами прогресса права, как конституционно закрепленные права граждан и суды присяжных. Неслучайно известный представитель франкфуртской школы Ю. Хабермас утверждал, что «регулирование мирового сообщества до сих пор не приняло облика даже примерного проекта, проекта, разъясненного на примерах. Первые адресаты такого проекта – не правительства, а граждане и гражданские движения. Но социальные движения кристаллизуются лишь в случаях, если для разрешения конфликтов, ощущающихся как бесперспективные, открываются нормативно удовлетворительные перспективы»⁴.

Представители коммунистической (и до определенной степени социал-демократической) идеологии основными критериями социального прогресса считают социальную справедливость (трактуя ее также различно) и реальное социальное равенство, выраженное в социально-экономических показателях уровня жизни большинства граждан. Они утверждают, что либеральная модель общества приводит к тому, что «господство международных финансовых спекулянтов делает мировую экономику все более нестабильной и несправедливой. Усиливается неравенство между социальными слоями и классами. Углубляется социально-экономическая пропасть между раз-

витыми капиталистическими странами-эксплуататорами и угнетенными странами-пролетариями, которым уготована участь сырьевого придатка и помойной ямы для “золотого миллиарда”»⁵. Они выступают против либеральной глобализации и роста политического влияния транснациональных корпораций, «диктующих свою волю целым государствам и народам», обвиняют «творцов “нового мирового порядка” в беспардонном вмешательстве в дела суверенных государств, причем все чаще – вооруженном». Они озабочены состоянием земной экологии, которая откровенно приносится в жертву интересам капитала: «Раскрученная Западом эгоистичная сверхпотребительская гонка, поглощая все больше невозобновимых природных ресурсов, ведет к необратимым изменениям окружающей среды с катастрофическими для всего человечества последствиями». Но особую тревогу вызывает «экология духа», которая «подвергается отупляющей атаке низкопробной масс-культуры с ее культом насилия и разврата. Под видом “свободной циркуляции идей и информации” на самом деле осуществляется политика информационно-культурного империализма. Манипуляция сознанием и чувствами людей, их интересами и потребностями, принудительная унификация духовного мира на самом низком и примитивном уровне превращают человечество в бездумную и покорную творцам “нового мирового порядка” массу»⁶.

В рамках такого конфронтационного противостояния моделей общественно-политического и социально-экономического развития общества трудно прийти к согласию по выработке единых общепризнанных критериев социального прогресса.

А. Бэттлер утверждает, что до сих пор «понятию “прогресс” не дано универсального определения, т. е. определения, покрывающего все явления человеческой жизни. Выражаясь гегелевским языком, нет его определения как всеобщего. Однако существовали и существуют определения на уровне особенного, т. е. понимание прогресса в контексте определенной исторической эпохи и как конкретное для той или иной страны. Иначе говоря, понятие “прогресс” есть еще понятие историческое. В нем не просто заложен опыт каждой эпохи и каждой нации, но по нему можно определять степень развитости того или иного человеческого общества»⁷.

Возникает резонный вопрос: по каким критериям предлагает автор оценивать эту степень развитости, если сам признает отсутствие универсального определения? Как представляется, достаточно аксиоматично в качестве идеальнотипического образца значительная часть российских ученых предлагает иметь в виду модель либеральной демократии.

Обосновывается это тем, что, несмотря на различия в позициях, в результате дискуссии совместными усилиями политической теории



и политической практики достигнуто определенное компромиссное понимание социального «прогресса». Это сделало уже в XX столетии либеральную демократию инструментально (принципиально, институционально и технологически) привлекательной для политических элит и граждан в качестве средства обеспечения прогресса, особенно в тех обществах, в которых исторически рационалистические и прагматические мотивации экономической, правовой, управленческой деятельности, культурных практик возобладали над мотивациями религиозно-традиционалистскими.

Мировоззрение индустриального (современного, капиталистического, рыночного) общества можно описать как «проект модерна». По мнению В. А. Емелина, ему присущи следующие черты:

- стремление к созданию универсальной картины мира, сводящей все многообразие действительности к единым основаниям;
- убеждение в доступности человеческому разуму абсолютного знания об этих основаниях;
- стремление к полному воплощению этого знания в действительности;
- убеждение, что такая реализация будет способствовать увеличению счастья людей;
- уверенность в поступательном, прогрессивном развитии человечества, в приоритете настоящего перед прошлым, а будущего перед настоящим⁸.

Неслучайно в 1969 г. на пленарном заседании Генеральной ассамблеи ООН была принята специальная декларация, в которой констатировалось, что «человек может добиться полного осуществления своих чаяний лишь в условиях справедливого социального порядка и что, следовательно, кардинальное значение имеет ускорение социального и экономического прогресса повсюду, что способствует международному миру и солидарности»⁹.

Утверждая принципы социального прогресса, авторы декларации подчеркивали, что «все народы и все люди, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, вероисповедания, национальности, этнического происхождения, семейного или социального положения, либо политических или иных убеждений, имеют право жить в достойных условиях и в условиях свободы и пользоваться плодами социального прогресса и должны со своей стороны способствовать ему»¹⁰.

Было подчеркнуто, что социальный прогресс и развитие основываются на уважении достоинства и ценности человеческой личности и обеспечивают развитие прав человека и социальной справедливости, что требует:

- незамедлительной и окончательной ликвидации всех форм неравенства, эксплуатации народов и отдельных лиц, колониализма, расизма, включая нацизм и апартеид, и всякой иной политики и идеологии, противоречащей целям и принципам Организации Объединенных Наций;

- признания и эффективного осуществления гражданских и политических прав, а также экономических, социальных и культурных прав без всякой дискриминации.

Основными условиями социального прогресса и развития считаются:

- национальная независимость, основанная на праве народов на самоопределение;
- принцип невмешательства во внутренние дела государств;
- уважение суверенитета и территориальной целостности государств;
- неотъемлемый суверенитет каждого государства над своими природными богатствами и ресурсами;
- право и ответственность каждого государства, и в той степени, в какой это касается каждой нации и народа, свободно определять свои собственные цели социального развития, устанавливать свой порядок очередности и определять в соответствии с принципами Устава ООН средства и методы их достижений без всякого вмешательства извне;
- мирное сосуществование, мир, дружественные отношения и сотрудничество государств, независимо от различий между их социальными, экономическими и политическими системами¹¹.

Как представляется, практика западных стран по распространению институтов либеральной демократии в других странах за последние десятилетия (особенно после разрушения СССР и краха социалистической системы) свидетельствует о наличии ряда противоречий в понимании сути социального прогресса и в эффективности практического применения концептов данной декларации.

С одной стороны, важнейшим условием в применении инструментов либеральной демократии для обеспечения прогресса политической сферы ее сторонники признали прежде всего изменения в той части культурного пространства, которая стала определяться как политическая культура общества. Внедрение в массовое сознание при помощи идеологического и научного творчества идей и ценностей либеральной демократии и их распространение в глобальных масштабах обеспечило приращение тех благ гражданского состояния, которыми граждане развитых (в либерально-демократическом отношении) обществ смогли пользоваться наряду с прираставшими в рыночной экономике экономическими благами. Эта связь укрепила либерально ориентированные научные и политические элиты во мнении, что по изменениям в политической культуре можно судить о мере и темпах прогресса политической сферы.

С другой стороны, практика внедрения и использования такого критерия прогресса развития социально-политических отношений обозначила целый ряд проблем.

Прежде всего имеет место значительное расширение самой сферы политичности. Политикой



становится все, что для своего решения требует ресурсных затрат. Политические способы нахождения решений выступают как экономически и вообще ресурсно эффективные. Политикой становится все, вплоть до пенсий и уборки мусора с улиц, массовых развлекательных мероприятий и учебных стандартов в школах.

В итоге трудно сказать, какое из отношений человека к окружающей реальности имеет отношение к его политической культуре, а какое нет, то есть имеет общекультурный характер. Это затрудняет понимание, например, того, является ли положительное отношение граждан к демократии и либеральным ценностям характеристикой их осознанного политического выбора в пользу стратегии развития или это характеристика их интуитивного настроя на унификацию способов решения самых разных «неполитических» вопросов (коммунальных, например) средствами политики.

Развитие политики сегодня идет за счет не столько дальнейшего расширения сферы влияния либерально-демократических ценностей и идей, сколько их тотальной критики со всех доступных в информационных, традиционных и модернизирующихся обществах позиций. Они рассматриваются как препятствие на пути продвижения современных обществ уже не к оптимальному уровню благосостояния (эмпирически этот уровень был вычислен и породил глобализационные устремления элит и обществ), а к оптимальному уровню безопасности достигнутого уровня благосостояния. Демократию критикуют как не очень эффективную охранную систему или систему институциональных и ценностных «фильтров» на пути к безопасному благосостоянию, которые расположены недостаточно разумно и справедливо.

Возникновением этой проблемы человечество парадоксальным образом обязано идее научно-технического прогресса. По мнению ряда исследователей, в XX в. эта идея «из знамени и двигателя науки и техники превратилась в тоталитарную идеологию, вышла далеко за рамки собственно науки и техники, превратившись в императив всех областей человеческой деятельности. “Прогресс”, “развитие”, “экономический рост” ослепили человечество, не давая возможности рассмотреть “пятна на солнце”. Только к концу века отдельные люди да и то “шепотом” начали отмечать не универсальность прогресса, а его тормозящую роль»¹².

В качестве критики общепринятого понимания принципов развития и прогресса выдвигаются контраргументы о том, что на самом деле они «безнравственны, потому что направлены на покорение Природы и не имеют не только моральных, но и разумных, с точки зрения собственной безопасности человека, ограничений; деформируют сущность человека своей односторонностью, поскольку нацелены только на рост потребления и наслаждений; построены на заблуждении и

переоценке места и роли человека в природе и его сущности»¹³.

М. Делягин, например, утверждает, что развитие информационных технологий ведет к замещению цели и назначения технологии как получения нужных человеку материальных ценностей и услуг технологиями «промывания» мозгов с целью получения нужного типа сознания и культуры. По его мнению, информационный взрыв и распространение коммуникационных сетей оказывают «невероятное давление на все человеческие органы чувств» и доводят «до отворачивания и отупения»¹⁴.

В конечном итоге все, что характеризует социальные процессы в XX в., на финишной прямой обернулось целым букетом кризисных ситуаций, которые по масштабам и глубине можно идентифицировать как глобальный цивилизационный кризис¹⁵.

Тем не менее по мере нарастания кризиса в экономике и праве (кризис правовой идентичности в результате миграционных процессов) либеральная демократия продолжает рассматриваться в качестве инструмента стабилизации социально-политических систем на достигнутом уровне «обществ потребления» материальных и политических благ.

При этом не вполне ясно, какое качество политической культуры граждан сегодня должно обеспечивать политический и экономический, правовой прогресс. В отечественной литературе проблема решается по аналогии с тем, как ее решают в «западной» науке: стабильность ассоциируется с прогрессом при помощи концепта «стабильное развитие» (развитие не всегда прогресс), провозглашается целью существования социально-политической системы, и это создает формальные основания рассматривать гражданское общество и правовое государство европейско-североамериканского образца как готовые инструменты достижения этой стабильности, а значит, и «прогресса» – развития.

Либо развивается другая логика: гражданское общество и правовое государство есть инструменты достижения прогресса, но «низкая» политическая культура российского общества и российских элит (патриархальная, восточная, расколота и т. д.) препятствует применению этих инструментов в российской политике.

Поэтому в качестве обязательного условия инновационных преобразований сторонники либеральной модели общественного устройства видят «преодоление культурного барьера, прежде всего, традиционно патерналистских и иерархических моделей на всех уровнях, губящих всякую инициативу и творческие порывы и в итоге препятствующих рыночным процессам. Они зиждутся на ценностях власти, безопасности, конформизма»¹⁶.

Логично следует вывод, что прогресс нужно обеспечивать в обход применения такого



инструмента, каким, по определению, должна быть политическая культура любого общества, либо путем использования отдельных «деталей» этого инструмента (политической культуры), наиболее нацеленных на модернизацию групп населения.

Эта ситуация рождает вопросы о новом качестве той реальности, которую мы называем политической культурой, и о теоретических подходах к изучению этой реальности. Что сегодня можно включить в понятие «политическая культура», а что имеет смысл убрать из содержания этой категории вследствие нефункциональности, превращения в элемент обыденной культуры? Является ли традиционализация политической сферы свидетельством прогресса либо регресса политической культуры? Существуют ли (не на уровне постановки задачи, а на уровне понимания свойств и элементов этой технологии) варианты достижения прогресса в обход политической культуры, не позволяющей использовать гражданское общество и правовое государство в качестве инструментов прогресса? В какой мере политическая культура обладает собственной динамикой в условиях модернизации, традиционализации и стабилизации, а в какой зависима от динамики других сфер общественной и государственной деятельности?

Ответы на эти вопросы являются предпосылкой для формирования нового политологического ракурса изучения политической культуры, основанного на понимании того, что:

– политическая культура сегодня способна обеспечивать прогресс политической сферы не только за счет производства и воспроизводства эталонных принципов и институтов либеральной демократии, но и в большей степени за счет их критики. Прогресс стимулируется не позитивностью, а критичностью ценностных ориентаций носителей политической культуры. Происходит своеобразный возврат мировой политической культуры к рационализму в еще более активной форме, апеллирующему к постмодерну;

– считать в современных условиях политическую культуру мерилом либо препятствием политического прогресса можно при условии, что нормой развития самой политической культуры будет считаться не ее приближение к традиционалистской или либерально-демократической модели, а ее потенциал побуждения массового сознания к поиску альтернативных и, может быть, неидеальных и взаимно противоречащих моделей и принципов, политических технологий перехода от либерально-демократической к «постлиберально-демократической» фазе развития современной цивилизации.

Прогресс политики реализуется в виде активизации поиска новых форм, институтов, принципов и технологий. Нелинейность динамики политической культуры выступает как критерий ее прогресса, прогресса политики в целом. Представления о политической культуре как стимуле поисковой деятельности массового сознания более соответствуют практической задаче поиска стратегии постлиберального развития, чем традиционные для науки представления о ней как условии устойчивого использования инструментов либеральной демократии (гражданского общества и правового государства) или источнике устойчивых помех в использовании этих инструментов.

Примечания

- 1 Олег Арин (Алекс Бэттлер, урожд. Рафик Шаги-Акзамович Алиев – советско-канадский ученый марксистского направления).
- 2 Бэттлер А. Общество : прогресс и сила (критерии и общие начала). М., 2008. С. 12.
- 3 См.: Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000. С. 22–23.
- 4 Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 4–5(39). С. 151.
- 5 Зюганов Г. Глобализация : тупик или выход? // Наш современник. 2001. № 6. URL: <http://nash-sovremennik.ru/main.php?m=num&y=2001&n=6> (дата обращения: 19.02.2012).
- 6 Там же.
- 7 Бэттлер А. Указ. соч. С. 15.
- 8 См.: Емелин В. А. Информационные технологии в контексте постмодернистской философии : автореф. ... канд. филос. наук. М., 1999.
- 9 Декларация социального прогресса и развития (Принята 11.12.1969 г. Резолюцией 2542 (XXIV) на 1829-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). URL: <http://www.tourmix.ru/abro.php?id=567> (дата обращения: 18.02. 2012).
- 10 Там же.
- 11 Там же.
- 12 Азроянц Э. А. Глобализация : катастрофа или развитие? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. М., 2002. С. 15.
- 13 Там же.
- 14 Делягин М. Общая теория глобализации // Общество и экономика. 1998. № 10–11 ; Он же. Информационная революция, глобализация и кризис мировой экономики // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 1. С. 47–53.
- 15 См.: Азроянц Э. А. Указ. соч. С. 16.
- 16 Лебедева Н. М., Ясин Е. Г. Культура и инновации // Форум. 2009. № 2(10). С. 24.